

Ч и т а й т е в с е р и и

Дж. М. Кутзее
Детство Иисуса

Дж. М. Кутзее
Сцены из провинциальной жизни

Дж. М. Кутзее
Медленный человек

Дж. М. Кутзее
Школьные дни Иисуса

Р. Флэнаган
Узкая дорога на дальний север

Р. Флэнаган
Смерть речного лоцмана

Р. Флэнаган
Желание

Т. Моррисон
Возлюбленная

Т. Моррисон
Боже, храни мое дитя

Д. Лессинг
Марта Квест

М. Этвуд
Слепой убийца

Б. Дилан
Хроники

Б. Дилан
Тарантул

Г. Свифт
Земля воды

Т. Т. Энг
Сад вечерних туманов

Тан Тван
ЭНГ

Сад
вечерних туманов

Москва
2017

УДК 821.111-31(595)
ББК 84(5Маз)-44
Т18

Tan Twan Eng
THE GARDEN OF EVENING MISTS

Copyright © Tan Twan Eng 2012
This edition published by arrangement with Grand Central
Publishing, New York, NY, USA. All rights reserved.

Перевод с английского *В. Мисюченко*
Разработка серии: *К.А. Терина*
Дизайн переплета: *А.Г. Сауков*

В оформлении переплета
использована иллюстрация *В. Коробейникова*

Тан Тван, Энг.

Т18 Сад вечерних туманов / Тан Тван Энг ; [пер. с англ. В. Мисюченко]. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 512 с. — (Лучшее из лучшего. Книги лауреатов мировых литературных премий).

ISBN 978-5-699-98355-1

Малайя, 1951. Юн Линь — единственная, кто выжил в тайном японском концлагере. В этом лагере она потеряла свою любимую сестру — та разделила ужасную судьбу тысяч заключенных. Единственное, что Юн Линь может сделать для сестры, — исполнить ее мечту, создав дивной красоты японский сад. Юн Линь ненавидит японцев, отнявших у нее близких и чуть не убивших ее саму. Но ей приходится обратиться к японцу Аритомо, в прошлом императорскому садовнику, который готов обучить ее своему искусству.

Она понимает, что у Аритомо есть тайна, и его неожиданное исчезновение подтверждает ее предположения. Пройдет целая жизнь, прежде чем Юн Линь удастся приблизиться к разгадке этой тайны...

УДК 821.111-31(595)
ББК 84(5Маз)-44

© Мисюченко В., перевод на русский язык, 2017
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-98355-1

Моей сестре

и

*Opgedra aan A J Buys —
sonder jou sou hierdie boek dubbel so lank
en halfpad so goed wees.*

Mag jou eie mooi taal altyd gedy¹.

THE GARDEN OF EVENING MISTS

¹ Посвящается А. Дж. Байзу — без вас эта книга была бы вдвое длиннее и вполвину не столь хороша. Пусть всегда благоденствует прекрасный ваш язык (*африкаанс*).

Свой первый роман, «Дар дождя», автор тоже посвятил (и тоже на африкаанс) «судье А. Дж. Байзу, который научил меня жить» (*здесь и далее примечания переводчика*).

Есть богиня памяти, Мнемозина, но нет богини забвения. А ведь должна быть: они же сестры-близнецы, антиподы-двойняшки, и рядом, по обе стороны от нас, шествуют всю нашу жизнь, споря, кому владычествовать над нами и кто мы такие, на всем нашем пути, до самой смерти.

Ричард Холмс

«Петля в русле памяти и забвения»
THE GARDEN OF EVENING MISTS

Глава 1

Когда-то на горе, выше облаков, жил человек, который прежде был садовником императора Японии. Многие знавали о нем до войны, но я знала. Он покинул свой дом на краешке восходящего солнца, чтобы поселиться на центральном нагорье Малайи. Мне было семнадцать, когда я впервые услышала от сестры рассказ о нем. Пройдет десять лет, и я отправлюсь в горы, чтобы встретиться с ним.

Он не извинялся за то, что его соотечественники сотворили с моей сестрой и со мной. Ни в то иссеченное дождем утро, когда мы впервые увиделись, ни во всякое иное время. Какие слова уняли бы мою боль, вернули бы мне сестру? Никакие. И он понял это.

Немногим это удавалось.

И через тридцать шесть лет после того утра я вновь слышу его голос, приглушенный, но звучный. Воспоминания, которые я держала взаперти, стали пробиваться на свободу, как ледяные торосы, разрывающие трещинами арктическое мелководье. Течение сна плавно несет эти треснувшие льды к утреннему свету памяти.

Недвижимая тишина гор будит меня. Глубина молчания — вот что позабылось мною о жизни в Югири¹.

¹ В японском языке звучание слова «югири» обозначается двумя иероглифами, образующими понятия «вечерний туман, вечерняя роса».

Когда я открываю глаза, воздух наполнен невнятным ропотом дома.

«Старый дом хранит свои потаенные воспоминания», — приходят на память слова, сказанные мне однажды Аритомо.

А Чон стучит в дверь и негромко окликает меня. Я встаю с постели, надеваю халат. Оглядываюсь, ища перчатки, и нахожу их на столике у кровати. Натягивая их на руки, разрешаю домоправителю войти. Он входит, ставит на стол у стены оловянный поднос с чайником чая и тарелкой нарезанной папайи: то же самое он проделывал каждое утро для Аритомо. Повернувшись ко мне, говорит:

— Желаю вам долгой, наполненной покоем отставки, судья Тео.

— Да, похоже, в этом я тебя опередила.

А Чон, если прикинуть, лет на пять-шесть старше меня. Когда вчера вечером я приехала, его здесь не было. Внимательно разглядываю его, сопоставляя увиденное с тем, что помню. Низенький, опрятный мужчина, ростом ниже, чем мне помнится, голова нынче совсем лысая. Наши взгляды сталкиваются.

— Вы вспоминаете, как в первый раз увидели меня, да?

— Не в первый раз, а в последний день. День, когда он ушел.

Он кивает:

— А Фун и я... мы всегда надеялись, что когда-нибудь вы вернетесь.

— Она здорова? — Я подалась в сторону, заглядывая ему за спину, надеясь увидеть его жену, стоящую у двери в ожидании приглашения войти. Они живут в Танах-Рате и каждое утро добираются на велосипедах до Югири по горной дороге.

— А Фун умерла, судья Тео. Четыре года назад.

— Ах да. Да, конечно.

— Она хотела выразить вам признательность за оплату ее больничных счетов. И я тоже.

Я приоткрыла крышку чайника, потом закрыла ее, пытаясь вспомнить, в какой больнице она лежала. Название всплыло в памяти: Госпиталь леди Темплер.

— Пять недель, — говорит он.

— Пять недель?

— Через пять недель будет тридцать четыре года, как господин Аритомо покинул нас.

— Ради всего святого, А Чон!

Я не бывала в Югири почти так же давно. Неужто домоправитель меряет жизнь числом лет, которые прошли с последнего моего пребывания тут, как отец очередной зарубкой на кухонной стене отмечает рост своего ребенка?

Пристальный взгляд А Чона устремлен в какую-то точку над моим плечом.

— Если больше ничего... — произносит он и уже поворачивается, чтобы уйти.

Тоном помягче я говорю:

— Сегодня утром, в десять часов, я жду гостя. Профессор Йошикава. Проводи его в гостиную на веранде.

Домоправитель кивает и уходит, закрывая за собою дверь. Уже не в первый раз я прикидываю, сколько ему известно, чего он насмотрелся и чего наслушался за все годы службы у Аритомо.

Папайя охлаждена — как раз так, как я люблю. Выжав на нее ломтик лайма, я съедаю два кусочка, прежде чем поставить тарелку на место. Открыв раздвижные двери, выхожу на веранду. Дом стоит на

низких сваях, и веранда всего на два фута¹ возвышается над землей. Бамбуковые ставни постукивают, когда я подворачиваю их вверх. Горы такие же, какими я их помнила всегда, первый утренний свет оплавляет их склоны. Сырые опавшие листья и сломанные ветки устилают лужайку. Эта часть дома отгорожена от основного сада деревянным забором. Одна его секция рухнула, и высокая трава пробивается сквозь щели между упавшими досками. Я, положим, была готова к такому, но все же эта запущенность потрясает меня...

На восток от забора виден участок чайной плантации Маджуба². Впадина долины напоминает мне ладони монаха, сложенные в горсти для получения ежедневного благословения. Сегодня суббота, но сборщики чая, занятые работой, двигаются вверх по склонам. Ночью была гроза, вершины все еще мрачны от бордовых облаков. Ступаю с веранды на узкую полосу из керамических плиток, холодных и влажных под моими босыми подошвами. Плитки эти Аритомо привез из разрушенного дворца в древней столице Таиланда, Аютхайе, где они когда-то устлали двор древнего и безымянного короля. Плитки — всё, что осталось от рухнувшего царства, все истории которого преданы забвению.

Наполняю легкие до краев и выдыхаю. Вижу, как мое дыхание обретает форму — конфигурация воздуха, всего лишь секунду назад находившегося во мне, и вспоминаю, какое ощущение чуда вызывало в душе когда-то это явление. Опустошение минувших меся-

¹ Около 61 сантиметра.

² Маджуба — знаменитый холм в Южной Африке, где 27 февраля 1881 г. буры нанесли сокрушительное поражение британским войскам.

цев уходит из моего тела — только для того, чтобы мгновение спустя заполнить его снова. Странное ощущение: мне больше не придется тратить выходные на чтение груд апелляций и исков или на завершение неоконченного за неделю бумаготворчества. Еще несколько раз ртом вдыхаю и выдыхаю полной грудью, следя за тем, как паутинки моего дыхания уносятся в сад и тают там...

Перед самым выходом из кабинета в зал судебных заседаний моя секретарша Азиза принесла конверт.

— Только что доставили для вас, *пуан*¹, — поясняет она.

Внутри — коротенькое письмо от профессора Йошикава Тацуджи² с подтверждением даты и времени нашей встречи в Югири. Послано неделю назад. Всмотриваясь в аккуратный почерк, я раздумываю: не было ли с моей стороны ошибкой согласиться на встречу с ним? Совсем было собралась позвонить ему в Токио и все отменить, но сообразила, что профессор уже на пути в Малайзию. В конверте лежало еще что-то. Когда я, перевернув, тряхнула его, на мой стол выпала деревянная палочка дюймов в пять³. Подняв, окунаю ее в свет настольной лампы. Дерево темное и гладкое, кончик палочки украшен тонкими заходящими друг на друга желобками.

¹ Пуан — уважительное обращение к малайской замужней женщине (с тем же смыслом, что и «мадам»), которая, выходя замуж, свою фамилию на фамилию мужа не меняет.

² Героиня романа (и автор) произносят полные японские и китайские имена людей по китайскому обычаю: вначале имя рода (фамилия), потом имя личное.

³ 12,7 сантиметра.

— Какая короткая *лах*¹, палочка для еды. Это для детей? — спрашивает Азиза, входя в кабинет с пачкой документов мне на подпись. — А где другая?

— Это не палочка для еды.

Так и сидела, разглядывая палочку на столе, пока Азиза не напомнила, что церемония, посвященная моему уходу в отставку, вот-вот начнется. Она помогла мне облачиться в мантию судьи, и мы вместе вышли в коридор. Азиза, как обычно, пошла вперед, чтобы предупредить адвокатов, что *пуан хахим*² уже на подходе: те всегда старались угадать по ее лицу, в каком я настроении. Идя за нею следом, осознаю: вот сейчас я в последний раз проделаю этот путь от своего кабинета до зала судебных заседаний...

Возведенное в Куала-Лумпуре около века назад здание Верховного суда имело все признаки колониального сооружения, призванного пережить империи. Под его высокими потолками, в толстых его стенах воздух сохранял прохладу в самые жаркие дни. Мой зал судебных заседаний был достаточно велик, чтобы вместить сорок, а может, даже и пятьдесят человек, но в этот вторник адвокатам, не побеспокоившимся приехать пораньше, днем, пришлось толпиться сзади у дверей. Азиза уведомила меня о количестве принимающих участие в церемонии, но все равно я опешила, занимая свое место под портретом Агонга и его коро-

¹ Л а х — в малайском и малайском английском (манглиш) суффикс *lah* (произносится как нечто среднее между «ла» и «лах», на выдохе) весьма многозначен: от простого обозначения окончания фразы или уважительного привлечения внимания собеседника до смысловых оттенков: «ничего себе!», «неужели вам (тебе) не понятно?» Всё зависит от интонации произносящего и ее восприятия слушающим. Читающие в своей фантазии свободны.

² П у а н х а к и м — мадам судья (*малайск.*).

левы¹. Тишина установилась в зале, когда пришел Абдуллах Мансур, председатель Верховного суда, и сел рядом со мной. Склонившись, он шепнул мне на ухо:

– Еще не поздно передумать.

– Вы никогда не прекратите меня уговаривать?.. – сказала я, сверкнув улыбкой.

– А вы никогда не меняете своих решений.

Он вздохнул:

– Разве нельзя остаться? Вам всего-то и осталось два года.

Глядя на него, я припомнила тот день, когда в его кабинете сообщила ему о решении пораньше выйти в отставку. За долгие годы мы спорили и вздорили по многим поводам – о положениях законов или о том, как он руководил судами, – но я всегда уважала в нем интеллект, чувство справедливости и его доверие к нам, судьям. В тот день он, в первый и в последний раз, утратил самообладание, говоря со мной. Нынче же от той вспышки осталась только печаль в его лице. Я буду скучать по нему.

Глядя поверх очков, Абдуллах принялся пересказывать собравшимся мою жизнь, вплетая в свою речь фразы на английском, не обращая внимания на висевшее в зале предостережение, требовавшее употреблять в суде только малайский язык.

– Судья Тео была лишь второй женщиной в нашей стране, назначенной членом Верховного суда, и прослужила последние четырнадцать лет...

¹ Агонг (полный титул Шери Падука Багинда Янг ди-Пертуан Агонг), король – глава государства Малайской Федерации и Малайзии, конституционно избираемый монарх. Королева (полный титул Шери Падука Багинда Раджа Пермаисури Агонг) является вторым лицом в государстве, но не может занимать никаких государственных должностей (отчего порой ее на британский манер называют королевой-леди-консорт).

Сквозь высокие запыленные окна мне виден уголок поля для игры в крикет через дорогу и, чуть подалее, клуб «Селангор»¹, чей ложнотюдоровский фасад напоминает мне о бунгало на Камеронском нагорье. Пробили часы на башне над центральной галереей, вялый их перезвон пробивался сквозь стены зала суда. Слегка повернув руку, сверяю время: одиннадцать минут четвертого, башенные часы, как всегда, надежно отстают, их точность много лет назад похитила молния.

— ...сегодня немногим из нас известно, что в девятнадцать лет она стала узницей японского лагеря для интернированных, — говорит Абдуллах.

Адвокаты зашептались, поглядывая на меня с возросшим интересом. Я никогда и никому не рассказывала о трех годах, проведенных мною в лагере. Переживая день за днем, старалась не думать о том прошлом, и почти всегда мне это удавалось. Но время от времени воспоминания пробуждались — услышанным звуком, брошенным кем-то словом, уловленным на улице запахом...

— Когда война закончилась, — продолжал председатель Верховного суда, — судья Тео была сотрудницей Трибунала по военным преступлениям и ожидала разрешения изучать право в Гиртон-колледже² Кембриджа. Получив диплом выступающего в суде адвоката, она в 1949 году вернулась в Малайю и почти два года проработала заместителем государственного обвинителя...

¹ Селангор — один из 13 федеративных штатов Малайзии, султанат, с населением более 5 млн человек.

² Гиртон-колледж — старейший (1869) колледж Кембриджского университета, дающий высшее образование женщинам.